
ЕВГЕНИЙ ТРЕТЬЯКОВ
ПРОЕКТ
"Глубинный
контур"
"Фантастика для детей 11-14 лет"

Евгений Третьяков

Проект "Глубинный контур"

https://litres.ru/74992734
SelfPub; 2026

Аннотация

Проект «Глубинный контур»

Фантастическая повесть для детей 11–14 лет

В учебном центре будущего система тренировочных симуляций начинает «замирать» на 0,3 секунды. Взрослые считают это шумом. Двое учеников — Лёва и Кира — считают это сигналом. Чтобы проверить догадку, они собирают самодельный агрегатор «Искатель» и запускают его в закрытые сегменты контура. Так они находят В-7 — сегмент, о котором знают все, но в который никто не заходит.

За расследование берутся трое: Лёва, который ищет тишину; Кира, которая слышит её; и Дима Соловьёв — ученик, который однажды попробовал войти в В-7 один. А ещё есть Марк Вебер — куратор, который знает о контуре больше, чем говорит. Десять лет назад он сам был Призраком — хакером, который оставлял в системе паузы.

«Глубинный контур» — это история о том, что система, которую построили люди, всегда несёт в себе ошибки людей. И о том, что ошибку можно не закрывать, а услышать. Если рядом есть кто-то, кто готов слушать вместе с тобой.

Содержание

ПРОЕКТ «ГЛУБИННЫЙ КОНТУР» 5
Часть первая. «0,3 секунды» 6
Глава 1. Тишина, которая громче крика 6
Глава 2. Силуэт у края воронки 11
Глава 3. Чужой ID 14
Глава 4. Урок, который всё объясняет 17
Глава 5. Прямой курс 20
Глава 6. Кто стоял в тени 22
Глава 7. Дима Соловьёв 27
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Евгений Третьяков
Проект "Глубинный контур"

ПРОЕКТ «ГЛУБИННЫЙ КОНТУР»

Фантастическая повесть для детей 11–14 лет

Часть первая. «0,3 секунды»

Глава 1. Тишина, которая громче крика

Зал для конференций в Учебном корпусе гудел не от голосов, а от напряжения. Три сотни экранов, выстроенных полукругом, смотрели на сцену, как глаза, которые боятся моргнуть. На каждом — лицо ученика, учителя, куратора, инженера. И все они ждали.

В центре сцены стояла доктор Ли. Её голос не был громким, но пробивался сквозь фоновый шум системы, будто шёл по выделенному каналу.

— За последние две недели мы зафиксировали семнадцать необъяснимых отклонений в учебных симуляциях, — говорила она, и на главном экране вспыхивали графики: пики, провалы, «слепые зоны», где данные просто исчезали. — Не ошибки. Не сбои. А именно отклонения. В трёх разных сегментах контура наблюдался один и тот же паттерн: система на 0,3 секунды «замирала», будто кто-то ставил её на паузу.

По залу прокатился тихий гул. Кто-то шептал: «Это внешние помехи». Кто-то: «Сбой серверов». Но доктор Ли под-

няла руку, и шум стих.

— Мы проверили оборудование. Мы проверили протоколы. И мы пришли к выводу: это не технический сбой. Это вмешательство. Или то, что система воспринимает как вмешательство.

Лёва, сидевший в третьем ряду вместе с Кирой, почувствовал, как по спине пробежал холодок. 0,3 секунды. Именно столько длилась та «тишина» в логах, которую их самодельный «Искатель» отмечал как аномалию.

— И теперь о дисциплине, — доктор Ли сделала паузу, и стало тихо так, что было слышно, как гудят вентиляции. — Как вы знаете, после прошлой проверки системного доступа отстранён от тренировок на весь семестр ученик второго курса Дима Соловьёв. Он подключил к капсуле неавторизованный модуль. Да, он хотел улучшить графическую обработку. Да, это было не для себя, а для команды. Но правило одно для всех: в капсулу попадает только то, что прошло проверку.

На большом экране вспыхнула строка: «Соловьёв Д., доступ приостановлен. Срок: 4 месяца».

Лёва краем глаза увидел в дальнем ряду худого парня с темноволосой головой. Дима сидел не двигаясь, смотрел прямо перед собой, и от этой неподвижности становилось не по себе. Только пальцы — лежавшие на коленях — чуть подрагивали.

— Никто не будет спорить, что он старался на благо ко-

манды, — продолжила доктор Ли. — Но в нестабильном контуре даже маленькая дыра становится большой проблемой. Контур не прощает самодеятельности. Контур прощает только внимательность.

Кира наклонилась к Лёве и прошептала одними губами: «Искатель».

Лёва стиснул зубы. Их «Искатель» — самодельный агрегатор, собранный из корпуса старого дрона, платы учебного робота и экранчика с трещиной — лежал сейчас у него в рюкзаке. Тот самый неавторизованный модуль. Тот самый случай, за который Диму Соловьёва отстранили.

— Нам надо убрать его, — прошептала Кира. — Прямо сейчас. Пока идёт конференция.

— Нельзя, — так же тихо ответил Лёва. — Если мы его уберём, мы не сможем доказать, что эти аномалии настоящие. Что это не просто «слепая зона» системы.

— А если нас поймают? — В её голосе был не страх, а злость на несправедливость: они искали правду, а их могут выставить нарушителями. Как Диму.

— Тогда докажем, что мы не ломаем систему, — твёрдо сказал Лёва. — А помогаем её увидеть.

Кира помолчала. Потом сказала тише, будто не хотела, чтобы это слышал даже он:

— Мой брат работал в контуре. Три года назад. Ушёл — и больше не говорит про это. Даже со мной. — Она посмотрела на сцену, где доктор Ли складывала схему. — Я не хочу

однажды уйти так же. Я хочу понять, что здесь происходит. Понять — и остаться.

Лёва впервые за всё утро посмотрел на неё не как на напарника по «Искателю», а как на человека, у которого есть своя причина быть здесь. И кивнул:

— Тогда не уберём. Но спрячем так, чтобы даже система не нашла.

На сцене доктор Ли развернула схему «Глубинного контура» — самого сложного и нестабильного сегмента системы, который использовали только для продвинутых тренировок.

— Сейчас мы работаем в режиме повышенной бдительности. Любые несанкционированные подключения, любые попытки обойти протоколы будут фиксироваться и разбираться отдельно. Это не угроза. Это просьба: система, за которой мы следим, следит за нами в ответ.

И тут Лёва увидел, как в углу его браслета тихо мигнул значок — тот самый, который появлялся после каждого запуска с «Искателем». Будто система шепнула: «Я заметила».

Доктор Ли закончила выступление, но не ушла. Она задержалась у края сцены и посмотрела прямо в камеру, будто видела не экраны, а живых людей.

— Если кто-то из вас замечает что-то странное — не пытайтесь разобраться в одиночку. Приходите к кураторам. Потому что самое опасное — не сама аномалия. Самое опасное — когда ты думаешь, что ты один.

Экран погас. Зал распался на отдельные окна, потом и они

исчезли. В аудитории стало тихо, и тишина эта теперь звучала совсем иначе — как пауза перед ударом.

Ребята начали вставать, обсуждать, спорить. Лёва и Кира остались сидеть, глядя на пустую сцену.

— Она говорила не просто так, — тихо сказала Кира. — Она хотела, чтобы кто-то пришёл.

— Или чтобы кто-то не полез туда в одиночку, — добавил Лёва.

На выходе из зала мимо них прошёл Дима Соловьёв. Один. Без команды, без спорщиков вокруг — все обходили его стороной, как будто отстранение было заразно. У двери он вдруг остановился, обернулся и посмотрел на Лёву. Долго, внимательно — так смотрят не на человека, а на рюкзак, в котором лежит то, из-за чего тебя отстранили.

А потом кивнул. Едва заметно. И вышел.

Кира проследила за ним взглядом и сглотнула:

— Он понял. Про рюкзак.

— Нет, — тихо сказал Лёва, глядя на закрывшуюся дверь. — Он понял, что мы — такие же, как он. И он намекает: не повторяй мою ошибку.

Они вышли в коридор, где кипела обычная школьная жизнь: кто-то бежал на обед, кто-то спорил над проектом, кто-то смотрел в окно на город будущего. Всё как всегда. Но теперь Лёва знал: где-то в коде, в этих самых 0,3 секундах тишины, прячется что-то, что может всё изменить.

И он не мог просто пройти мимо.

Глава 2. Силуэт у края воронки

Лёва вжался в панель управления, пальцы дрожали, но он не имел права промахнуться. Перед лобовым стеклом дрожал фиолетовый барьер чужого корабля — он рос, будто живая стена, и вот-вот должен был раздавить их модуль.

— Держи курс! — кричала Кира, щёлкая тумблерами так быстро, что искры летели из-под пальцев.

Лёва стиснул зубы и вдавил рычаг вперёд: модуль рванулся вверх, чиркнул днищем по барьеру и нырнул в узкий проход между двумя скалами, которых не было на карте. В кабине вспыхнули аварийные лампы, замигали предупреждения: «Перегрузка щитов! Потеря связи!»

Но Лёва уже видел — за скалами открывалась тёмная воронка, похожая на приоткрытую дверь в никуда.

— Это аномалия! — прокричал он.

— Именно! — улыбнулась Кира, хотя в глазах у неё стоял настоящий страх. — Туда они не сунутся. Туда никто не сунется… кроме нас.

Модуль скользнул в воронку, и мир снаружи рассыпался на полосы света, а потом собрался заново — в месте, где звёзды висели не так, как положено, и где кто-то явно ждал их появления.

На границе света и тьмы стоял силуэт. Не двигался. Не атаковал. Просто смотрел.

— Смотри! — выдохнула Кира. — Он здесь! Как и в прошлый раз!

— Потому что знает, куда мы свернём, — ответил Лёва. — Или… потому что это он нас туда и ведёт.

Силуэт чуть наклонил голову — и «Искатель», тихо гудевший в рюкзаке, в этот момент пискнул: «Найдено отклонение: 0,3 секунды».

А потом всё исчезло.

Сначала пропали звёзды. Потом растаяла приборная панель. Потом растворились в воздухе фиолетовые контуры чужого корабля. И наконец исчезло само ощущение полёта — будто кто-то резко выключил гравитацию, а заодно и все чувства сразу.

Лёва моргнул.

Перед глазами — матовый белый потолок с тонкой светящейся полосой. Под пальцами — жёсткие подлокотники капсулы. Вместо воя сирен — тихий, ровный писк датчиков.

Рядом с шипением открылась капсула Киры. Она выскочила первой, взлохмаченная, с горящими глазами:

— Ты видел? Он снова был там! И «Искатель» зафиксировал ту самую паузу!

— Видел, — выдохнул Лёва. — Но это же симуляция. Там не бывает «кого-то».

— А если это баг? Или… — Кира понизила голос, будто кто-то мог подслушать. — Или кто-то ещё подключился к нашему сценарию?

Тут на внутренней стороне запястья вспыхнул браслет-ассистент: «Осталось 17 минут до начала занятий. Маршрут до школы: 8 минут при текущей скорости».

— Опаздываем! — одновременно выдохнули они и сорвались с места.

Они выскочили из Центра на улицу. Город будущего был ярким, шумным и совершенно земным: над головой скользили аэрокары, по тротуарам спешили школьники в одинаковых жилетах с отражателями, из киоска пахло горячими булочками. Никакой угрозы, никакого космоса — только обычный день.

И всё-таки Лёва не мог отделаться от ощущения, что тот силуэт смотрел прямо на него.

— Слушай, — сказал он, когда они уже бежали по переходу, — давай сегодня после школы ещё раз запустим тот маршрут. Только теперь «Искатель» будет не просто фиксировать. Он будет сравнивать. Все запуски, все паузы.

Кира покосилась на него, будто хотела сказать «ты опять за своё», но вместо этого кивнула:

— Ладно. Но только если успеем сделать домашку по квантовой физике.

— Успеем, — уверенно сказал Лёва, хотя сам в это не очень верил.

Глава 3. Чужой ID

Вечером, пока родители Киры готовили ужин, они снова подключили «Искатель» к учебному терминалу. Это был не взлом — это был сбор: агрегатор тянул данные из открытых источников симуляций, логов тренажёров и публичных отчётов о сбоях.

— Смотри, — Кира водила пальцем по экрану. — В трёх разных симуляциях за последнюю неделю одинаковые отклонения: «тень» на границе аномалии, задержка реакции на 0,3 секунды и… вот это.

Она показала строчку: «Неизвестный источник данных: ID-774».

— Он везде, — выдохнул Лёва. — Как будто кто-то тренируется на наших маршрутах. Или… проверяет нас.

«Искатель» пискнул и выдал прогноз: «Вероятность внешнего вмешательства: 87 %».

Но тут экран моргнул, и вместо прогноза появилась короткая строка: «Доступ ограничен. Уровень допуска недостаточен».

И почти сразу — уведомление на браслетах: «Внимание: обнаружено несанкционированное подключение к учебным данным. Пожалуйста, прекратите использование сторонних устройств».

Они переглянулись.

— Нас засекли, — прошептала Кира.

— Или он, — тихо ответил Лёва.

Наутро они пришли к мистеру Веберу — куратору цифровых проектов. Тот сидел в кабинете, склонившись над терминалом, и, когда они вошли, не удивился.

— Вы принесли данные, — не спросил, а констатировал он. — Садитесь.

Лёва протянул флешку с логами. Вебер вставил её, открыл записи, и его лицо стало серьёзным.

— ID-774, — пробормотал он, прокручивая строки. — Это не ученик нашей школы. Это вообще не зарегистрированный пользователь.

— Значит, кто-то подключился извне? — спросила Кира.

Вебер покачал головой:

— Не извне. Изнутри. Этот ID привязан к тестовому контуру системы. Его используют кураторы для проверки реакции учеников в стрессовых ситуациях.

— То есть это тест? — выдохнул Лёва. — Нас проверяли?

— Да. Но… — Вебер снова посмотрел на логи. — Этот ID не должен был появляться в ваших симуляциях. Он должен быть скрыт. А тут он не просто виден — он синхронизирован с вашими маршрутами. Кто-то намеренно вывел его на ваш путь.

Кира сжала кулаки:

— Кто?

Вебер помолчал:

— Я не знаю. Но я узнаю. А вы… — он посмотрел на них строго, но без гнева, — вы больше не запускайте симуляции без моего разрешения. И уберите «Искатель» из капсул. Вы слышали, что было на конференции. Соловьёва отстранили за меньшее.

Лёва кивнул, хотя внутри всё сопротивлялось: «Но мы почти поняли!»

Вебер будто прочитал его мысли:

— Понимание не стоит того, чтобы ломать себе будущее. Дайте мне сутки. Я всё выясню.

Когда они вышли из кабинета, Кира тихо спросила:

— А если он не успеет за сутки?

Лёва посмотрел на браслет, где всё ещё мигал значок «Анализ в процессе», и ответил:

— Тогда придётся выяснить самим. Но по-умному. Только данные. Никаких импровизаций.

Глава 4. Урок, который всё объясняет

На уроке квантовой физики доктор Ли рисовала на доске волны и стрелки.

— Суперпозиция, — говорила она. — Пока мы не измеряем состояние, оно существует как набор вероятностей. Частица может быть везде и нигде одновременно.

Лёва поднял руку:

— А наблюдатель… он тоже может быть в суперпозиции? То есть он есть, но система его не видит, потому что не «измеряет»?

Доктор Ли посмотрела на него внимательно:

— Хороший вопрос. В теории — да. Если наблюдатель не оставляет прямых следов, система не фиксирует его как активный узел. Он становится… неопределённостью.

Кира наклонилась к Лёве и прошептала:

— Как ID-774. Он есть, но его как бы нет.

— Но любая неопределённость оставляет косвенные признаки, — продолжала доктор Ли. — Задержки. Сбои. «Тишину» там, где должна быть активность. Если вы видите такую тишину — значит, кто-то или что-то там есть.

Лёва вдруг понял: «Искатель» не искал силуэт. Он искал тишину. И нашёл.

— А как бы вы искали такого наблюдателя? — спросил он после урока, задержавшись у доски.

— Через косвенные признаки, — доктор Ли чуть наклонила голову. — По тому, как меняется система вокруг него. По задержкам. По «тишине» в логах там, где должна быть активность. И… по тому, кто слишком хорошо знает ваши маршруты.

— Слишком хорошо?

— Да. Если кто-то каждый раз появляется ровно там, где вы сворачиваете в аномалию, — значит, он либо предсказывает ваши действия, либо знает их заранее.

Лёва замер. Тот силуэт не просто следил за ними. Он ждал их.

— И ещё, — доктор Ли понизила голос. — Если ты видишь то, чего не должно быть, — не пытайся это игнорировать. Но и не лезь туда в одиночку. Приходи ко мне, если понадобится помощь.

В коридоре Кира уже ждала его, сжимая в руке флешку с новыми логами.

— Вебер будет разбираться сутки, — сказала она твёрдо. — А у нас есть данные. И мы знаем, где он появляется.

— И что ты предлагаешь?

— Ещё один запуск. Но на этот раз мы не будем убегать. Мы подойдём к нему. И посмотрим, кто он.

Лёва хотел сказать «это опасно», но вместо этого кивнул:

— Хорошо. Только если сделаем всё по плану.

Кира улыбнулась, и в её глазах вспыхнул тот самый азарт, что был в симуляции:

— Никаких импровизаций. Только данные.

Глава 5. Прямой курс

На следующий день они снова стояли у капсул, но теперь всё было иначе. Не было лихорадочного шёпота «только бы не поймали». Теперь в их движениях была собранность: Кира проверяла крепления ремней, Лёва тихо переводил «Искатель» в режим тонкой фиксации — без грубых сигналов, только микроследы в логах.

— Ты уверен, что Вебер ничего не заметит? — спросила Кира, косясь на камеры под потолком.

— Он заметит только то, что мы запустили обычный тренировочный маршрут, — спокойно ответил Лёва. — А всё остальное «Искатель» спрячет. Он теперь как тень.

Капсулы закрылись. Свет погас. И снова космос — холодный, яркий, безжалостный.

Модуль рванулся вперёд, фиолетовый барьер рос перед ними, как живая стена.

— Держи курс! — крикнула Кира.

Лёва вжал рычаг, модуль нырнул в щель, экраны замигали предупреждениями. Воронка распахнулась, звёзды рассыпались полосами, и вот он — край аномалии. Тот самый участок пространства, где реальность будто стиралась.

И там, как всегда, стоял силуэт.

Но сегодня Лёва не стал уводить модуль в сторону. Он выровнял курс и повёл корабль прямо к фигуре.

— Что ты делаешь?! — закричала Кира. — Мы врежемся!

— Не врежемся. Смотри на щиты. Я держу дистанцию ровно на границе срабатывания.

Силуэт не двигался. Просто стоял и смотрел.

«Искатель» тихо пискнул: «Метка установлена. Зафиксирован паттерн отклика системы».

Лёва выдохнул и произнёс в пустоту космоса:

— Мы знаем, что ты здесь. Покажись.

И силуэт… кивнул.

А потом медленно поднял руку и сделал жест — не угрожающий, а приглашающий: «Подойдите ближе».

В этот момент капсула резко дёрнулась, будто кто-то снаружи нажал кнопку экстренной остановки. Симуляция оборвалась.

Глава 6. Кто стоял в тени

Белый потолок. Тихий писк датчиков. Крышка капсулы поехала в сторону.

Лёва сел, тяжело дыша, будто и правда только что вёл корабль сквозь аномалию. Рядом с шипением открылась капсула Киры. Она выскочила первой, глаза огромные:

— Он позвал нас. Он реально позвал.

Лёва хотел ответить, но в дверях Центра виртуальных тренировок стоял мистер Вебер. Не в строгом костюме куратора, а в лёгкой куртке, которую он обычно надевал, когда проверял оборудование лично.

— Вы нарушили протокол, — спокойно сказал он. — Я отключал вам доступ к этому маршруту.

— Но мы… — начала Кира.

Вебер поднял руку:

— Я знаю, что вы запустили симуляцию. Я видел, как вы подключили сторонний модуль. Я даже знаю, что ваш «Искатель» ставил метки.

Лёва почувствовал, как внутри всё похолодело. Но вместо того чтобы опустить голову, он вдруг понял: Вебер не спрашивает. Вебер перечисляет. Так перечисляют то, что уже знают наизусть.

— Вы знали, что мы придём, — сказал Лёва. — Не потому, что следили. А потому, что ждали.

Вебер не ответил. И это молчание было красноречивее любого «да».

— Силуэт, — продолжил Лёва, и голос его окреп. — Это были вы. Не «кто-то извне». Вы. ID-774 — ваш ключ. Вы синхронизировали его с нашими маршрутами, чтобы посмотреть, как мы себя поведём.

Кира перевела взгляд с Лёвы на Вебера и обратно:

— Но зачем? Зачем вам проверять двух учеников, у которых даже допуска нет?

Вебер чуть наклонил голову — точно так же, как силуэт в симуляции. Это движение было настолько знакомым, что Кира вздрогнула.

— Потому что мне нужны были люди, которые не убегут, — сказал он. — Я искал их три месяца. И нашёл только вас.

— Что значит «искали»? — спросил Лёва. — Вы куратор. У вас есть список учеников, оценки, допуски. Вы могли выбрать любого.

— Мог. — Вебер прошёл вглубь зала и остановился у пульта. — Но мне нужны были не лучшие оценки. Мне нужны были те, кто заметит то, чего нет в списках.

Он нажал что-то на пульте, и на большом экране вспыхнула схема «Глубинного контура» — та же, что показывала доктор Ли на конференции, но с одним отличием: в дальнем углу схемы мигал маленький красный сегмент, которого на слайде не было.

— Сегмент B-7, — тихо сказала Кира.

— Ты его видишь? — Вебер посмотрел на неё с неожиданным интересом. — На схеме для учеников его нет. Он закрыт даже для кураторов. Но вы двое уже дважды прошли мимо него в своих логах и даже не поняли, что нашли.

Лёва почувствовал, как холодок пробежал по спине — тот самый, что был на конференции.

— Вы хотите, чтобы мы туда пошли, — сказал он. — Не «починили систему». А пошли в В-7.

— Я хочу, чтобы вы поняли, что там, — ответил Вебер. — И пришли ко мне с этим пониманием. А не с самодельным модулем в рюкзаке.

Он помолчал, потом добавил тише:

— Я был в В-7. Один. И я вышел оттуда не с ответами, а с вопросами. С тех пор я ищу тех, кто сможет задать их правильно. Тех, кто не будет делать вид, что «тишина — это просто шум».

Кира смотрела на него, будто складывала пазл, который никак не складывался:

— Тогда почему вы нас останавливали? Почему говорили не запускать симуляции? Почему отстранили Диму, если сами ищете таких, как он?

— Потому что в нестабильных контурах ошибка стоит дорого, — сказал Вебер. — А одиночество — ещё дороже. Я отстранил Диму не за модуль. Я отстранил его за то, что он пошёл в В-7 один. Без страховки. Без того, кто подстрахует. — Он посмотрел на них обоих. — Вы пошли вдвоём. И вы

не сломались. Это первое, что мне нужно было проверить.

Лёва посмотрел на браслет, где мигал значок «Анализ в процессе», и вдруг понял: этот анализ шёл не только у «Искателя». Он шёл и у Вебера. И, возможно, у всей системы.

— И что теперь? — спросил он.

— Теперь вы официально становитесь частью проекта, — сказал Вебер. — Но с одним условием: никаких самодельных модулей в капсулах. «Искатель» мы интегрируем в учебный контур. Под контролем.

Кира посмотрела на Лёву, и в её глазах вспыхнул тот самый азарт:

— Под контролем. Но мы всё равно будем искать аномалии.

— Конечно, — кивнул Вебер, чуть улыбнувшись. — Только теперь вы будете делать это не вслепую.

Он уже повернулся, чтобы уйти, но Лёва окликнул его:

— Мистер Вебер. Тот силуэт. Он поднял руку. Приглашающе. Это тоже было частью проверки?

Вебер остановился у двери. Долго молчал.

— Нет, — сказал он наконец. — Это была не проверка. Это я вас ждал. И, честно говоря, не был уверен, что вы придёте.

Он вышел. Дверь закрылась.

Кира тихо сказала:

— Он не сказал, что в В-7.

— Знаю, — ответил Лёва. — Он сказал, что сам оттуда

вышел с вопросами. Значит, он знает, что там. Или кого там. И он боится туда возвращаться.

— А мы?

Лёва посмотрел на пустой экран, где ещё мигал красный сегмент.

— А мы пока не знаем, чего боимся. Значит, можем идти.

Глава 7. Дима Соловьёв

Через два дня, после первого официального занятия проекта, Лёва и Кира шли по коридору и увидели его. Дима Соловьёв сидел в уголке у окна — там, где был виден весь двор и посадочная площадка аэрокаров. С ним не было никого. На столе лежал учебник, но страницы были чистыми: он не читал. Просто смотрел.

Кира притормозила. Лёва сделал шаг вперёд, потом ещё один.

— Привет, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Мы знаем, каково это. У нас в рюкзаке лежит такой же модуль, как у тебя был. Тебя отстранили за него. Нас чуть не отстранили за наш.

Дима медленно перевёл взгляд с окна на него. В глазах была усталость, но не злость:

— Не чуть. Вас бы отстранили. Я видел логи конференции: вас искали по всем сегментам. Просто… вас искали не для того, чтобы наказать.

— Ты знал? — тихо спросила Кира.

— Догадывался, — Дима усмехнулся одними губами. — Когда тебя отстраняют за модуль, а через две недели доктор Ли рассказывает про аномалии, которые совпадают с твоей работой до секунды… ты начинаешь понимать, что система не ловит нарушителей. Она выбирает. Просто тебе для этого

нужно сначала упасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.